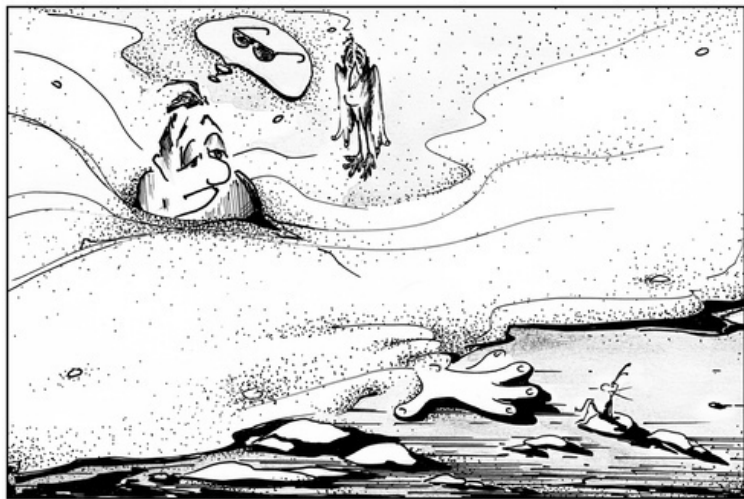

Владимир Дэс

Машина

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Владимир Дэс

Машина (сборник)

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5818598

Аннотация

В данный сборник вошли рассказы:

1. Машина
2. Мячик
3. Новое оружие
4. Номер на всю жизнь
5. Программа Вика Нормана
6. Путь
7. Случайный переход
8. Спасение
9. Стена
10. Сэмчо
11. Творцы истории
12. Туман
13. Учитель
14. Чирок

Содержание

Машина	5
Мячик	10
Новое оружие	14
Номер на всю жизнь	22
Программа Вика Нормана	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Дэс

Машина (сборник)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Машина

Все началось с того, что мне ошибочно положили в почтовый ящик «Рекламный вестник», который я сроду не выписывал. Вечером я от нечего делать стал его просматривать. В колонке «Продаю» бросилось в глаза странное объявление: «Срочно продаю машину иностранной марки. Дешево». А ниже – номер телефона.

Телефон был под рукой и я просто из любопытства – дешево, это сколько? – позвонил. Но оказалось так дешево, что я, заинтригованный, немедленно собрался и поехал по адресу.

Владелец собрался срочно отбыть куда-то. На мой вопрос, куда именно, махнул рукой в сторону неба. Впрочем, меня это мало волновало. Машина мне понравилась, и продавалась она за сущие гроши. На следующий день мы оформили покупку. Я был счастлив, что мне так крупно повезло.

Но дальнейшие события, хотя и приятные в своем роде, поубавили радости.

Прошел месяц.

Машина работала, как часы. И вот однажды, проезжая мимо автозаправки, я вдруг подумал: «А почему я еще ни разу не заправлялся? Ведь наездил уже больше тысячи километров, а стрелка указателя топлива все время показывает, что бак полон».

Эта мысль так меня поразила, что я вместо намеченной цели поехал к себе в гараж. И уже в гараже решил тщательно осмотреть машину. Нашел крышку топливного бака, но отвернуть ее не смог. Тогда я решил проверить уровень масла, но масляный щуп также нипочем не хотел вылезать из гнезда.

Я растерялся.

Попробовал снять хоть какую-нибудь пробку у этой машины. Все оказалось тщетным. Наконец я вооружился гаечными ключами и перепробовал с десятков гаек.

Бесполезно.

Манипуляции отвертками также не дали никаких результатов. Создалось впечатление, что моя машина — монолит. Даже на колесах гайки были словно приварены.

Тут до меня дошел зловещий смысл слов бывшего хозяина. Когда я его спросил, где брать запасные части, он ответил, что они не нужны, в ней ничего не меняется.

Я понял, что влип в какую-то отвратительную историю. Но машина, как и прежде, завелась с полоборота, и я, как и прежде, стал на ней ездить, с ужасом ожидая, что вот-вот кончится бензин или что она сломается.

Что я тогда буду делать?

Проходил месяц за месяцем, но ничего не ломалось и топлива не надобилось. Я стал успокаиваться. Мне даже стало нравиться такое положение.

Во-первых, какая экономия денег: и ездит, и бензина не надо!

Во-вторых, ничего не ломается, не надо запчастей, не приходится кланяться слесарям.

А в-третьих, о такой машине вообще можно только мечтать. Оказалось, ее и мыть совсем не надо: к ней не приставала ни пыль, ни грязь — все скатывалось, как с гуся вода.

Потом я заметил, что машина сама выбирает светофорный режим, и мы ездим безо всяких остановок. Я совсем перестал нарушать правила. Не сам я, конечно, просто машина не давала делать ничего такого. Если я пытался повернуть туда, куда было запрещено поворачивать, она просто не поворачивала. А если хотел проехать под «кирпич», она останавливалась. Я вначале злился, а потом плюнул и даже привык к этому. И сразу исчезли из моей жизни аварийные ситуации.

Обо мне пошла слава как о классном водителе. И это мне льстило. Я стал воспринимать машину как частицу самого себя. А однажды она у меня взбунтовалась, когда я, махнув пару рюмок водки, попытался сесть в нее и поехать. Она так и не открыла мне дверки, как я не выкручивал их. Так я в этот день и не попал в нее, пока весь хмель не вышел.

Но самое интересное началось через полгода, когда я купил приемник и поставил в машину. Она стала со мной разговаривать, как живая: давать мне полезные советы, развле-

кать меня, иногда спорить. Но почти всегда мы с ней договаривались обо всем так, как было лучше мне.

Кстати, однажды ее попытались угнать. Но молодой похититель получил такой мощный электрический удар, что отскочил от нее, как ужаленный, и с огромной скоростью – хотя и был без мотора – умчался в неизвестном направлении. Когда я завел ее после этого, она заурчала с нотками осы-вающего возмущения.

Так в моей жизни появился умный и всезнающий, тактичный и расчетливый друг.

Прошло несколько лет. Машина все так же радостно встречала меня по утрам, развлекала, пока ехал на работу, свежими анекдотами и любимой музыкой, напоминала: к тому-то съездить, того-то поздравить, той-то позвонить. Жизнь моя потекла ровно и безоблачно, как будто я ехал в своей машине по ровной и гладкой дороге, наперед зная, что миную все ухабины и даже маломальские ямки – машина их объедет.

Но с годами меня начала раздражать услужливость машины, ее абсолютная надежность. Возникла какая-то злоба, я стал поступать себе во вред, лишь бы не слушаться советов машины.

Проезжая мимо автолюбителя, меняющего колесо, я чуть не выл от зависти. Несколько раз заезжал в автомагазин, чтобы посмотреть на запчасти, даже покупал что-то, а потом вы-

кидывал.

Мне чего-то не хватало.

Я стал все сильнее чувствовать, что обделен чем-то дорогим и нужным в этой жизни. Мне хотелось жить, как живут все автолюбители: стрелять бензин, когда он вдруг кончится, спорить с автоинспектором, когда нарушишь правила, радоваться, когда ничего не сломалось и не отвалилось – сегодня и только сегодня, а не всегда и не всю жизнь.

Я стал ездить в машине все реже. А если и ездил, то не разговаривал с нею. Она тоже почувствовала, что со мной творится неладное, и замолчала.

Так мы промолчали месяц. А еще через два дня я, посмотрев на небо, пошел в редакцию «Рекламного вестника» и дал объявление: «Срочно продаю машину иностранной марки. Дешево». И ниже – свой телефон.

И вот сегодня, придя домой пораньше, сел у телефона. Жду, когда позвонит очередной «счастливчик», а я снова стану человеком своего времени со всеми его минусами.

Мячик

Лично я ничего не имею против смерти.

Раз надо – значит надо.

Главное, чтобы каждый мог рассчитывать, что его душа останется бессмертной.

Я всегда надеялся, что моя душа после земного существования попадет в Рай. Ну, на худой конец – в Ад. Только обязательно – в столовую... Но никогда не думал, что новым прибежищем моей души станет мяч.

Да, мяч.

Обыкновенный резиновый мяч.

Первое осознание новой судьбы пришло ко мне на полке спортивного магазина. Справа и слева от меня может, чуть ниже, мелькала кучерявая голова продавца.

Я был сделан из толстой резины. Желтый поясок, проходящий по шву, четко разделял меня на синюю и красную половины. Краски были сочные, резина новая, упругая. Ну, чем не орел! Я и сам себе нравился.

Рядом, как я уже говорил, тоже были мячи, но, конечно, не такие, как я: и сами поменьше, и краски потускнев, и швы – не под ободком, а вкривь и вкось. Поэтому, когда подошли покупатели, я понял, что сейчас выберут меня. Только меня.

Мама держала мальчика лет шести за руку и ласково спра-

шивала:

– Ну, что тебе, Витенька, купить? Шашки или шахматы?

– Мячик.

– Ну зачем тебе нужен мячик, Витенька? Будешь бегать, вспотеешь, заболеешь. Придет тетя, сделает тебе укольчик. Ты хочешь укольчик, Витя?

При воспоминании о тете с укольчиком Витя надулся.

– Ну, что ты хочешь, Витенька? Шашки или шахматы?

Витенька долго молчал. А потом, уже со слезою в глазах, упрямо заявил:

– Хочу мячик! – И показал пальцем на меня. – Вон тот.

– Фу, какой упрямый. Хорошо, куплю, но когда тетя будет тебе делать укол в попу – не плачь.

Я так же, как, должно быть, и Витя, глубоко возненавидел таинственную тетю с ненавистными уколами. И все же, назло этой тете, меня купили бедному, славному Вите.

Первый год Вите даже не разрешали выносить меня на улицу, и он играл мной в квартире. Витя очень радовался моей прыгучести и ласково гладил меня по разноцветным бокам. Я в долгу не оставался: далеко не закатывался и поскорее возвращался в добрые маленькие ладошки моего благодетеля.

Наконец наступило время, когда Витя стал самостоятельно выходить гулять во двор дома. И тут, конечно, у нас с ним наступало раздолье. Мной играли в «вышибалы», «догонялки», «подкидалки». Я резвился, как мог, млея от счастья и

радостного смеха моего хозяина и его друзей.

Наконец мной стали играть в футбол. Серьезная игра. Я попадал в «девятки», «шестерки». Но если в воротах стоял Витя, то попадал только ему в руки. Я был счастлив. Меня пинали, кидали. Я скакал, прыгал, летал. Отличная была пора! До тех пор, пока один из друзей Вити не принес во двор настоящий кожаный футбольный мяч.

Меня надолго запихнули под старый диван в дальний пыльный угол. И пролежал я там долгие годы.

Краски мои поблекли. Резина стала дряблой. В пыли и сырости весь зарос паутиной. Я уже давно не прыгал. Никто меня не пинал, не подбрасывал. Горе и тоска поселились в моей душе. Меня даже попробовала изгрызть серая юркая мышка. По мне ползали пауки и таракашки. И я уже стал думать, что обо мне совсем забыли и никогда я не испытаю хорошего пинка, радующего мою мячиковую душу.

Но, может, диван состарился раньше меня, может, просто он надоел моим хозяевам, и его сдвинули с места и куда-то унесли. И тут мой, сильно повзрослевший, хозяин Витя увидел меня. Он очень обрадовался, как, впрочем, и я.

Витя уже разговаривал басом, лицо у него было в угрях, и он держался очень независимо. Он меня обдул, вымыл и взял с собой гулять. Правда, теперь не играл, а посидел на мне верхом и потом зачем-то запустил меня в окно.

Я ударился в стекло как можно мягче и отскочил на землю. Окно открылось, и сердитый мужчина, ругаясь, пообе-

щал Вите оторвать голову, а меня изрезать на ремни.

В это время из подъезда выскочила симпатичная черненькая девушка, взяла Витю под руку, и они вдвоем, не обращая внимания на угрозы мужчины, который, оказалось, был папой этой девушки, пошли на дискотеку. И я – под мышкой Вити.

Так продолжалось много вечеров.

Однажды Витя не рассчитал силу броска, и я, несмотря на желание смягчить удар, все же разбил стекло. Витя тут же скрылся. Сердитый папа невесты выскочил из дома и стал меня ловить. Я увертывался, как мог, но был схвачен сильными руками и зажат между колен. И наступило исполнение обещания. Меня начали резать.

Мне не было больно. Но душа...

Душа опять потеряла тело. Куда ей теперь: в Рай, в Ад?

Или снова в кого-то или во что-то.

На то воля Божья.

Но хорошо я все-таки пожил мячом.

Как меня великолепно пинали.

Новое оружие

Пять лет назад я изобрел новое, самое мощное, самое совершенное оружие. Когда осмыслил, что я изобрел, то по наивности радостно подумал, что это оружие положит конец всем войнам и конфликтам, потому что каждая из воюющих сторон, имея его, не сможет ни проиграть, ни победить. Поэтому не будет ни победителей, ни побежденных. А без этого и смысл самой войны отпадет. Значит, войн не будет. Войнам конец.

Как же я ошибался.

И со временем, поняв свою ошибку, я стал штудировать историю создания оружия и с удивлением обнаружил, что каждый изобретатель нового оружия считал точно также как и я, что его изобретение приведет к полному и окончательному прекращению войн. Будь то лук со стрелами, порох или атомная бомба. Но происходило все наоборот. Войн становилось больше, начинались они чаще и были кровопролитнее прежних. На каждое новое оружие моментально находили новое антиоружие. На антиоружие – оружие. На оружие – антиоружие. И опять гонка по спирали.

Но осознание всего этого пришло позже, а в начале я, создав принципиально новое оружие, наивно поверил, что войнам конец. Но вот прошло пять лет, и что же?

Войны продолжают.

Что изобрести? Какой силы сделать оружие, Чтобы войны прекратились раз и навсегда?

Или вообще не надо изобретать ничего? Может, надо наложить мораторий на изобретения? Уже не знаю, ничего не знаю.

Но давайте по порядку о моем изобретении.

Я путем сложного химического соединения открыл такое вещество, которое буквально перевернуло все понятия о строении и функционировании нервной системы человека. Я сам после этого открытия два дня находился в том состоянии, в котором предположительно должны находиться солдаты противника.

Свойства моего препарата были настолько необычны, что я сразу понял, что его применение прежде всего необходимо в военной области, чтобы прекратить наконец все войны. Дело в том, что нанесение изобретенного мною вещества на пулю, снаряд или мину практически делает необязательным попадание в цель. Мой препарат действует на нервную систему человека на расстоянии нескольких метров в зависимости от концентрации препарата. Солдат, мимо которого пролетела пуля, попадает под действие моего вещества и перестает быть опасным.

Вы спросите, в чем смысл действия моего открытия? Да всё очень просто. Раньше, до изобретения моего чудо-попашка, для непосредственного воздействия любого вещества на нервную систему человека был необходим прямой

контакт с человеком, точнее, с его нервной системой. Но это не всегда было возможно из-за того, что тут же создавались новые системы защиты. Мое изобретение исключает контакт.

Мой препарат действует на нервную систему как стимулятор для возникновения внутри человека поражающего фактора. То есть воздействие на нервную систему человека происходит не через его органы чувств, а через его подсознание, через его биологическое поле. Это как закодированная команда гипнотического внушения, созданная мной на молекулярном уровне. Причем человек от этого не умирает, как может показаться на первый взгляд, он просто замирает, как бы застывает ровно на сорок восемь часов. Он не может пошевелить ни одним мускулом, а жизнедеятельность его организма замедляется до уровня симбиоза.

Обстреляв таким образом армию противника, практически не целясь, можно идти и собирать этих застывших горе-воjak в штабеля да спокойно снимать с них оружие и боеприпасы.

Поэтому, по моему понятию, войны должны стать как бы бескровными. С одной стороны эти войны могли бы и продолжаться, но в то же самое время в процессе этих войн жертв уже не будет. То есть победы и поражения будут бессмысленными: в войне нет крови, какая же это война? Скорее, это игра. Таким образом мне показалось, что я уничтожил войны.

Когда все это я осознал, даже запрыгал от радости на одной ноге: вот так Вася, ай да молодец.

Вася – это я, младший научный сотрудник в одном закрытом НИИ.

Я сразу же побежал со своим открытием к своему непосредственному шефу Захар Захарычу и радостно сообщил ему, что я сделал «нобелевское» открытие. На это Захар Захарыч, моментально сняв со своего большого бордового носа запотевшие очки, тут же спросил:

– Кто в этом открытии, Вася, твой научный руководитель?

Я не стал обижать своего непосредственного шефа и, конечно, сказал:

– Как кто? Конечно же вы.

Услышав такой многообещающий ответ, мой шеф тут же согнал со своего лица озабоченность и уже живо сказал:

– Ну что же, я вас слушаю, мой ученик.

Когда я рассказал ему о сути моего изобретения, он сильно заволновался и пересохшим голосом сказал:

– Пойдем, покажешь.

На радостях я позабыл предупредить, что мой препарат не разбирает кто перед ним: солдат, генерал или профессор. Он просто парализует всех подряд, находящихся в радиусе его действия. И поэтому, когда в своей лаборатории я начал показывать Захар Захарычу свой удивительный препарат, обернувшись, с ужасом увидел, что профессор застыл, как ящерица во время зимней спячки.

О Боже! – взвыл я. – Что же теперь будет? Профессор же теперь «разморозится» только через двое суток! Надо сказать, что после моего первого неудачного опыта, я дополнительно изобрел антивещество моему изобретению, нейтрализующее действие моего препарата, но только на стадии начала действия. На стадии уже произведенной парализации он был бесполезен.

Я уложил моего объемного шефа на пол и, пыхтя, закатил его под лабораторный стеллаж, чтобы не бросался в глаза, запер лабораторию и пошел домой.

Два дня профессор пролежал под лабораторным стеллажом, а когда действие препарата закончилось, он, выкатившись, был бодр и невозмутим.

Я робко подошел к нему, чтобы объясниться, но он, ни капли не расстраиваясь, обнял меня и прошептал на ухо:

– Да твоему открытию цены нет. Какая там к черту Нобелевская премия. Весь мир будет в наших руках.

Я даже немного растерялся от столь имперского заявления профессора. Подумал: «Может, мой препарат, не исследованный мною до конца, действует еще и на участки головного мозга, отвечающие за манию величия».

Но профессор, опять приобняв меня, увлек в свой кабинет и там заявил, что покорение мира – это потом.

– А нельзя ли нашим препаратом нейтрализовать мою жену? – спросил он. – У меня тут намечаются несколько важных встреч с аспирантками, а во Время их проведения, сам

понимаешь, присутствие жены как бы не желательно.

И профессор заговорщицки подмигнул мне.

По правде сказать, я немного расстроился от такого поворота событий. Но шеф есть шеф. Ему не откажешь.

Взяв из сейфа еще не до конца активизированный препарат, действие которого должно наступить через три часа, я отдал его профессору. Тот, получив от меня инструкции, сразу заторопился домой.

Через несколько дней профессор пришел ко мне в лабораторию довольный и сияющий.

– Жена, мой друг и соратник, была нейтрализована на два дня, и я провел все свои встречи весьма успешно.

Тут он немного замялся.

– Знаешь, я тут случайно рассказал о твоём изобретении моему другу, главному тренеру нашей городской футбольной команды. Ты знаешь, что его команда сейчас испытывает трудности, вот-вот может вылететь из первой лиги. Так вот, он просит на один матч распылить твой препарат на половине поля противника.

Я опять не смог отказать своему научному руководителю.

И вот когда на матче нашу команду стали давить, и в тот момент, когда один из наших игроков ударил по воротам, тренер подкинул ампулу с моим препаратом за ворота вратаря.

Вратарь, конечно, замерев от действия порошка, рухнул как подкошенный, а мяч влетел в ворота.

Вратаря заменили. Но и с новым произошло то же самое.

Так наша команда выиграла этот решающий матч и вышла, то есть осталась в первой лиге.

На банкете в честь футбольной победы поздравляли почему-то меня и только меня, и тосты произносили в честь меня. Я смущался, но мой шеф, который тоже при этом присутствовал, толкал меня в бок и говорил:

– Не смущайся, привыкай к славе.

Я слушался своего шефа и пытался привыкнуть, но у меня ничего не получалось. И я на следующее утро спросил профессора, а не пора ли нам передать наше изобретение в Организацию Объединенных Наций, чтобы прекратить войны и убийства.

Профессор, взяв меня под локоть, отвел от окна, свет из которого озарял мое озабоченное лицо, тихо и обреченно сказал:

– Знаешь, мой мальчик, если мы заявим о твоём, то есть нашем изобретении, то потеряем право на самоличное его использование. Да и сама наша жизнь станет не совсем свободной, поверь мне, старому профессору.

– Да, – задумчиво сказал я.

– Да, – подтвердил мудрый профессор. – Знаешь, это твоё, то есть наше изобретение и попозже будет таким же актуальным, как и сегодня. Давай-ка пока попользуемся им для себя, тем более меня попросил один мой друг помочь ему в...

Профессор не успел закончить.

– А как же жертвы, войны?

– Знаешь, мой мальчик, зря ты думаешь, что против твоего препарата не придумают другой препарат, его нейтрализующий. И возможно оно, твое изобретение, просто умрет засекреченным в одном из закрытых институтов. А воевать и убивать будут по-прежнему, как и раньше. Земля не для мира создана Господом.

– А для чего же?

– Читай классику.

– Какую?

– «Из Рая в Рай», например. Кстати, классик – наш земляк.

Настроение мое упало, и, чтобы хоть что-то понять в этой Сложной жизни, я побрел в областную библиотеку с надеждой прочитать вещь под названием «Из Рая в Рай». Может, прочитав ее, что-то и пойму о своей жизни и бесполезности изобретений против войн и убийств на нашей любимой и прекрасной планете Земля.

Номер на всю жизнь

7643932827264892877589438373625

Перевожу дословно вам, бестолковым предкам из двадцать первого века: «Привет, наши далекие несчастные предки».

Почему мы считаем вас несчастными? Да просто потому, что вы были еще так глупы, что, не вняв в свое время гениальной теории великого Пифагора, продолжали жить на Земле, три тысячелетия общаясь между собой не с помощью прекрасных цифр, которыми без труда, путем комбинаций, можно выразить любое слово, а с помощью различных алфавитов, путающих и усложняющих общение единой земной нации.

Теперь у нас в двадцать третьем веке нет ни русского, ни английского, ни испанского (и так далее) языков, есть единый информационный код общения, состоящий из цифр.

Сейчас как только человек родился, ему тут же присваивается цифровой код.

Когда это сделали, то сразу поняли, какая в этом великая милость Божья, уразумившая в свое время Пифагора к такому великому открытию.

В начале просто присваивали родившемуся землянину цифровой код.

Например, мой код: 768746353272658774 2-87564356,

где уже зашифрованы число, месяц и год моего рождения, место, то есть номер региона в стране и ООНовский номер страны, а также группа крови, резус-фактор и пол.

Затем этот же номер стали присваивать и при учете налоговых деклараций.

Потом за этим же номером устанавливали телефон, регистрировали машину, номер кредитной карточки, страховки.

И так далее.

Всем стало жить удобнее. Человек, вот он, весь на виду. Никуда не спрячешься. Никаких отпечатков пальцев для поиска преступников не надо. Да и сам смысл совершения преступлений отпал. Но если преступление все же совершалось, то человека, виновного в этом, находили за считанные секунды, так как при таком объеме информации, содержащемся в одном постоянном номере, человек не мог спрятаться никуда. В номер даже закладывались сведения о родителях о родных и близких; размер обуви, одежды, цвет глаз, кожи, волос.

Потом возникла мысль заменить и другие виды человеческого общения цифровыми кодами.

В начале стали заменять общеизвестные слова и аббревиатуры, имеющие общенациональные значения, общегосударственные институты, столицы стран, города, международные организации, начиная с Организации Объединенных наций.

Например, ООН: 0000000164537827465

ВМФ: 6471984384736.

Затем зашифровали географические названия.

Так, Африка: 65473021.

Азия: 7463252876.

Атлантида: 08717646325.

Тихий океан: 3762654К7.

Индийский океан: 8474362527346.

Затем пришел черед слов и понятий, выражающий предметы бытового характера.

Например, кастрюля: 34543.

Ложка: 343234.

Стакан: 78678.

Природные явления.

Ветер: 67598762.

Дождь: 6758437.

Снег: 4353635.

И пошло, поехало.

В течение нескольких лет все, что можно было обозначить в этом нашем мире, приобрело свой цифровой шифр. Теперь можно было смотреть передачи, состоящие из одних цифр, но каждому более или менее нормальному цивилизованному человеку было ясно, о чем идет речь.

Появились новые направления в искусстве, религии, философии.

Цифра была возведена в ранг идеальной истины.

И все бы хорошо, но появились какие-то умники, которые считают, что для передачи информации или зашифровки то-

го, что уже зашифровано в цифрах достаточно всего двух цифр: 0 и 1.

Так, например, дождь будет теперь не 678437, а 0101.

Они утверждают, что это даст еще больше экономии времени при передаче и восприятии информации, и путаницы будет меньше.

Но мне кажется, что здесь надо думать не только о каких-то информационных плюсах, но и об эстетическом моменте.

Вы только послушайте, как звучат гениальные строки Пушкина в десятках цифр. Я помню чудное мгновенье...

746453 5245664 098757864 53643534 Разве это не музыка?

А они предлагают:

011101000 111000 110001010 10001010000

Ну что это, какая-то тарабарщина – барабанная дробь.

Никакой эстетики.

Я против.

А вы как, дорогие наши предки? Перевожу на нормальный человеческий цифровой язык, если не всем понятно: 65748 47644547839 76362527678 76857?

И так набор цифр в разном варианте до конца страницы.

Программа Вика Нормана

Проблем у Виктора Нормана хватало, можно сказать, с самого момента его рождения.

Его отец – норвежский рыбак, – дав ему это необычное для Скандинавии имя, уплыл в море на ловлю нагулявшей трески и, попав в жестокий шторм, исчез вместе со своими товарищами и рыболовным ботом в темных водах северных широт.

Мать Вика никак не хотела называть своего сына именем русской шлюхи, с которой спутался ее покойный супруг в дни фестиваля рыбаков «БОЛЬШАЯ СЕЛЬДЬ». Фестиваль проводили профсоюзы прибалтийских стран в Копенгагене прошлым летом. А осенью, когда родился сын, отец перед отплытием на роковую путину, пригрозив жене деревянным ботинком, настоял на том, чтобы у его ребенка было так понравившееся ему на фестивале имя русской девушки Вики. Так Вик стал Виком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.